

16+

ПОЛИНА
РЕЙ

SMS.
ЦЕНА ОШИБКИ

Полина Рей

SMS. Цена ошибки

«Автор»

2021

Рей П.

SMS. Цена ошибки / П. Рей — «Автор», 2021

«Как там наша дочь?» Я читаю это сообщение и не понимаю, как Дэн узнал, что я беременна. И почему уверен, что у нас будет именно дочь? А потом до меня доходит... «Чёрт, Насть... чёрт», — приходит в последующем сообщении. Мы с мужем прожили вместе пять лет, и сегодня утром я узнала, что жду ребёнка. А вечером получила смс, в котором муж спрашивал, как его дочь... Дочь, которую родила моя лучшая подруга.

© Рей П., 2021

© Автор, 2021

Полина Рей

SMS. Цена ошибки

У меня в руках – три положительных теста на беременность. И это в тот момент, когда я уже отчаялась. Когда три года желания завести малыша раз за разом разбивались о реальность – я не могу выносить ребёнка. Да какое там? Я даже толком не могу его зачать.

В последний раз я была беременной пару лет назад. Недолго – дня три. Несколько тестов с двумя полосками, кратковременная радость, поделённая на двоих с мужем.

Потом кровотечение, скорая, мои истерики...

И вот я беременна. Сажу на бортике ванны, держу несколько полосок в руках. Понимаю, что месячных не было уже порядка месяца.

И боюсь пошевелиться.

А так хочется набрать номер Дэна. Ошарашить его этой новостью. Но в то же время изнутри грызёт тот вопрос, что так или иначе возникает каждый раз, когда думаю о нашем ребёнке.

Теперь ведь всё получится?

Нет, я ни черта в этом не уверена! Да, надеюсь. Да, готова прозакладывать голову, что стану самой лучшей матерью, но в данный конкретный момент – ни в чём не уверена.

Несколько минут попросту сижу, глядя на полоски тестов и прислушиваясь к себе. Срок, если считать от начала последних месячных, вполне приличный. Но ни тошноты, ни какого-либо другого намёка на токсикоз нет и в помине.

Как нет и других изменений. Сонливость, набухание груди. Плаксивость. Что я там ещё вычитала за это время в справочниках о беременности?

Всё же осторожно встаю с бортика ванны. Ловлю себя на мысли о том, что веду себя словно хрустальная ваза, готовая сломаться в любой момент.

Плакать хочется, но это, наверное, гормональное. А ещё ловлю себя на мысли о том, что сейчас мне нужно с кем-нибудь поделиться. Не с мужем, хотя и очень хочется и вроде как должна набрать его номер в первую очередь. И не с мамой.

С лучшей подругой, с которой мы вместе так давно, что я уже и не могу припомнить тех времён, когда я не знала Алису.

– Алисич... это я! – объявляю в трубку, набрав номер подруги.

Расхаживаю по кухне туда и обратно, мысленно начиная прикидывать, что мне теперь стоит есть, а от чего – нужно отказаться.

– Я в курсе, дурында, – слышу в голосе Алисы улыбку. – У тебя что-то срочное?

Да! У меня то самое, что ждать не может от слова «совсем». Но говорить об этом по телефону не стану. Всё при встрече.

– А ты занята? Сильно? – морщусь, потому что мы, похоже, не можем увидаться с подругой сию секунду, а я уже успела молниеносно набросать в голове пару видов закусок для нашей встречи.

Алисе налью вина. Себе – молока. То-то она удивится. И неважно, что сейчас утро. Такие новости нужно отметить.

– Не, не сильно. Говори.

– Это не телефонный разговор. Забежишь?

Смотрю на часы. Дэн будет поздно вечером, как он сам сказал. Значит, сможем провести сколько угодно времени вдвоём с Алисой.

– Угу. Только через полчаса, хорошо? Любаша что-то приболела. Ждём бабушку – это её лучшее успокоительное.

Во мне мгновенно просыпается тревога. Любаша – дочь подруги – моя крестница. Да что там говорить? Я отношусь к ней как к родной с самого её рождения.

– Чем приболела?

– Ой, ничего страшного. Ты чего так встревожилась? Дети болеют – разве для тебя это новости? – снова в голосе Алисы я слышу улыбку.

Всегда смотрела на подругу со стороны и удивлялась тому, как ей удаётся быть такой спокойной матерью? Не то чтобы Люба была болезненным ребёнком, или одним из тех, у кого вечное шило в одном месте, но и её царапины, простуды, режущиеся зубки Алиса воспринимала, как часть жизни.

А я бы, наверное, суетилась вокруг, как ненормальная.

– И всё же... если что-то серьёзное, то давай потом встретимся.

– Ну ничего серьёзного, говорю же. Нос заложило, от пшикалки бегают, как от чумы. Так что спасательный отряд вызван, скоро прибудет, а я к тебе.

Я прикусываю губу, киваю сама себе. Алиса и Любаша живут в одном из соседних домов. Если что – примчимся вдвоём по первому требованию.

– Тогда жду. Как будешь выходить – набери меня.

– В Ватсапп напишу, – обещает подруга и отключает телефон.

Сама вновь начинаю расхаживать по квартире. Добираюсь до холодильника и инспектирую его на предмет съестного. Снова прислушиваюсь к себе. Никаких протестов в сторону обнаружившихся продуктов мой организм не выказывает. Сразу возникают сомнения – а не солгали ли тесты? Не выдали ли желаемое за действительное?

Нет, это полный бред. Их точность – свыше девяносто девяти процентов. Но, кажется, я не успокоюсь, пока не услышу подтверждение от врача.

Следующий час я увлечена готовкой – баклажаны, начинённые орехами и сыром. Салат из моцареллы и помидоров. Ну и небольшие канапе с тем, что первым попало под руку. На моих губах – улыбка. Постоянно ловлю себя на том, что растягиваю губы во все тридцать два.

Ребёнок. Наш маленький малыш. Наверняка он будет копией Дэна – почему-то мне всегда думалось, что наши дети будут похожи именно на него. Через время мы займёмся тем, что перделаем нашу спальню в детскую, а сами переберёмся в гостиную.

Стоп, Настя! Стоп...

Мне совсем нельзя слишком надеяться, потому что после такого обычно очень трудно падать с небес. Я просто должна сделать всё, чтобы выносить малыша, а строительство воздушных замков оставить на потом. На то время, когда ребёнок родится.

Вздрагиваю, когда раздаётся звонок в дверь. Иду в прихожую, открываю подруге.

– Фух! Я жива! – заявляет она с порога, вручая мне пакет. – Но дико хочу выпить. И не думай, что сейчас не время. Когда у тебя болеет ребёнок – можно поиграть в аристократию.

Улыбаюсь, качая головой.

– А я сама тебе бы и предложила.

– О, отлично! Я сейчас руки помою и приду.

Алиса уходит в ванную, я же возвращаюсь на кухню. Выуживаю из принесенного пакета бутылку красного и к нему кулёк с фруктами. Этим и дополняю накрытый стол.

– Вау! – не сдерживается подруга, заходя следом за мной. – Оказывается меня здесь настолько сильно ждали?

Она плюхается на свободный стул и начинает нагружать себе на тарелку всего понемногу.

– Да, ждали, – киваю в ответ.

– Жрать хочу как, оказывается! Мммм!

Алиса принимается за еду, как будто и вправду не ела последние несколько дней. Я же наливаю ей в бокал сухого. Себе, как и собиралась, молока.

– Хм, решила, что пить с утра – моветон? – усмехается подруга, прожевав кусочек.

Берёт бокал и с наслаждением отпивает глоток.

– Вот! Вот то, чего мне так не хватало!

Я с улыбкой следую её примеру. Молоко оказывается достаточно вкусным.

– Нет, я просто... мне пока нельзя. Ближайшие пару лет минимум, – произношу тихо, едва сдерживая истинные эмоции, которые разрывают изнутри.

Блаженное выражение на лице Алисы сменяется удивлённым. Она приподнимает брови, её рот сам собой округляется.

– Постоооооой, – говорит протяжно, отставляя бокал. – Постой-постой... Ты хочешь сказать, что...

– Кажется, получилось. Только тссс! – прикладываю палец к губам. – Дэн пока не знает, да я и сама боюсь обнадёживаться...

Едва успеваю договорить, как Алиса вскакивает с места и начинает исполнять какой-то сумасшедший танец.

– Ооооо! Настькааааа! Оооооо! Гуляеееем! И я прям чувствую – теперь всё точно получится!

Она носится по кухне, выполняет пируэты, я же слежу за ней с тихим смехом. И так отчаянно боюсь, что эта радость снова будет кратковременной...

– Так. А Дэнкя почему не знает? – Алиса, запыхавшись, приземляется обратно за стол, залпом допивает бокал, наливает себе ещё.

– По телефону не хочу говорить, а приедет он поздно, – пожимаю плечами. – Так что пока в курсе только ты.

– Ммм, мне это нравится! Одна тайна на двоих! – шепчет Алиска.

– Да ну тебя, какая тайна? – отмахиваюсь от слов подруги. – Но в целом, ты права. Родителям пока говорить не буду. Ты же моих знаешь – переполошатся, начнут искать новых врачей.

– Да уж, – качает головой Алиса. – А вообще ты пораньше иди на приём. Может, надо будет сразу на сохранение.

– Угу. Думала об этом. Но давай пока не будем, а то мне от таких разговоров поёжиться хочется.

По спине и впрямь проходит волна озноба, я зябко веду плечами.

– Точно! Не будем! – соглашается подруга и, подняв бокал, произносит тост: – Давай снова за тебя. За вас. И пусть у вас всё получится!

Я улыбаюсь и киваю. Пусть у нас действительно всё получится. Правда, в этот момент даже представить не могу, какие новости ждут меня уже совсем скоро...

Когда Алиса уходит, я прибираю со стола, после чего иду в гостиную, где ложусь на диван с ноутбуком. У меня воз и маленькая тележка тех вопросов, которые, казалось, уже успела изучить за три года вдоль и поперёк. Но возникает непреодолимое желание просмотреть, не появилось ли чего нового в медицинских изысканиях за последнее время.

Погрузившись в различные статьи с головой, я провожу так часа три, а когда всё же вынырываю из мира терминов, описаний и диагнозов, понимаю, что у меня ещё конь не валялся. Сегодня ведь должен быть особенный ужин, поэтому мне нужно заняться им уже сейчас.

Когда выбираю в интернет-магазине товары и бросаю их в «корзину», звонит Дэн. Улыбаюсь сама себе, как распоследняя дурочка.

– Даааа? – отвечаю на звонок мужа, и он тут же интересуется в шутку:

– Ты что там, не одна?

И так хочется сказать ему – да. Теперь я не одна. Но я просто обязана дотерпеть до вечера.

– А ты ревнуешь? – уточняю в ответ с тихим смешком.

– Ты же знаешь, что да. Всегда. Как ты?

Поднявшись с дивана, потягиваюсь, как сытая довольная кошка.

– Я прекрасно. Сейчас начну готовить ужин. И я помню, что ты поздно. Я тебя дождусь.
– Постараюсь пораньше. Ты знаешь, чем меня заманить, – говорит Дэн, и в голосе его слышится полное удовлетворение происходящим.

– Да, знаю, – соглашаюсь с мужем. – Буду готовить всё самое вкусное. Ещё и на выходные останется.

– Просто отлично. Есть ещё какие-нибудь новости?

Прикусив губу, я гадаю... уж не рассказала ли Дэну Алиса о моей беременности. Но тут же отбрасываю от себя эту мысль. Глупости, моя лучшая подруга никогда бы так не поступила.

– Алиска забегала.

– Хорошо. Просто поболтать?

– Да. Из дома сбежала – Любания приболела, лечиться отказалась, – с улыбкой произношу я.

– Чем заболела?

В голосе Дэна звучит тревога. Такая же, как и у меня, когда только узнала о простуде крестницы.

– Да ерунда, не переживай. Просто насморк.

Внутри меня растекается тёплое ощущение. Всё же Денис будет самым лучшим на свете отцом. Вон как волнуется о чужой, по сути, малышке.

– Хорошо, котён, я позвоню, как буду с работы выезжать. Сейчас дела. Постараюсь пораньше. Целую, – говорит Дэн и я откликаюсь:

– И я тебя. Очень жду.

Я кладу трубку и некоторое время стою, просто глупо улыбаясь. Вроде бы прожили с мужем пять с лишним лет, а мне всё кажется, что познакомились только что.

За то, что рядом со мной был такой мужчина, я всегда была благодарна Алиске. Это она нас с Денисом и познакомила, когда у меня в прошлом остались сложные и выматывающие первые отношения, не закончившиеся ничем, кроме нервотрёпки.

В тот момент я вообще не хотела думать о том, чтобы войти в этот омут снова, пусть и с другим мужчиной, но Алиса уговорила меня «хотя бы одним глазком взглянуть на Дэна». Потом, когда мы с ним поженились, я не раз шутила, что Алиса своими руками отдала мне идеал во всех отношениях, на что подруга лишь отмахивалась и заверяла, что Дениса она любит исключительно как хорошего друга. А я радовалась, что рядом со мной такой мужчина, и Алиска, которую я обожала как сестру.

Когда мясо и овощи запеклись, предварительно распространив по квартире умопомрачительный аромат, я выключила духовку и в очередной раз посмотрела на часы. Пятнадцать минут десятого. Дэн, как бы сильно ни задерживался, никогда не приезжал позднее половины одиннадцатого. И раз уж обещал сегодня постараться пораньше, я ждала его с минуты на минуту.

Накрыв на стол, я быстро нарезаю свежий хлеб и, пока упаковываю его в фольгу, чтобы не подсох, мою руки и беру телефон. Размышляю, стоит ли звонить мужу и тревожить его лишний раз, или просто поставить духовку на режим поддержания температуры и ждать. Всё же прихожу к выводу, что наберу номер Дэна, если он не приедет в течение десяти минут.

Проходит от силы половина этого временного отрезка, когда на мой телефон приходит сообщение от мужа. Я радостно улыбаюсь, но улыбка меркнет, стоит мне прочитать четыре слова:

«Как там наша дочь?»

Хмурюсь, не понимая, что Денис имеет ввиду. Алиса всё же проговорила? Но с чего Дэн взял, что у нас будет именно девочка? Да и почему задал вопрос вот так, прямо в лоб?

Моё сердце начинает ускорять свой бег. Стучит набатом в висках. Дыхание учащается, а мысли начинают путаться. Потому что в голову лезут страшные мысли... Дочь... Как там наша дочь. Нет, не моя... а наша... Их... чужая. Как там дочь Дениса и... чья?

Устремившись в ванную, я склоняюсь над раковиной и плескаю себе в лицо пригоршни ледяной воды. Мне нужно успокоиться, ведь ничего страшного не произошло. Этот странный вопрос точно имеет под собой какое-нибудь разумное объяснение! Тогда почему я не могу прийти в себя и привести в порядок отчаянно колотящееся сердце?

«Чёрт, Насть... чёрт!», – приходит ещё одно сообщение следом.

И как только я читаю его, меня накрывает волной паники. Хочется кричать, кажется, весь мир рушится в эту самую секунду.

Телефон разрывается от звонка. На экране – имя мужа. Я судорожно отвечаю на входящий вызов. Мне хочется услышать хоть что-то... Например: «Привет, я подъезжаю». Или ещё какую-нибудь ерунду. А потом просмотреть смс-ки и понять, что те два сообщения мне попросту почудились. Может, я заснула и придумала их себе?

– Слушаю, – выдыхаю хрипло.

На том конце связи молчание, и оно меня просто убивает.

– Это не то, что ты могла подумать.

Я запрокидываю голову и смеюсь. Какая... ужасная, просто унижительная фраза! А у меня в голове – туман. И разумности в этом тумане – ни на грош.

– Ты скоро будешь? – спрашиваю приглушённо помертвевшим голосом.

Он словно не мне принадлежит, а кому-то другому. И это даже хорошо, пусть этот «другой» станет сейчас моей бронёй.

– Через десять минут. Насть...

– Жду.

Я отключаю телефон, начинаю метаться по квартире. Ничего ведь не случилось. Ничего! Он ошибся... он спросил что-то не то. У кого? Неважно! Важно, что Дэн просто ошибся. Вопросом, адресатом, номером... Или у него случилось помутнение рассудка, потому он на мгновение придумал себе, что кто-то родил ему дочь, о которой сейчас и стоит справиться?

Всё, что угодно, только не жестокая правда, которая так и стояла перед глазами. Как часто я наблюдала подобное у своих подруг и знакомых. Когда семейная жизнь рушилась за мгновение, стоило всплыть тем подробностям, что мужчины утаивали годами. И ведь ни разу никто из пострадавших сторон ничего не подозревал. Они просто жили в идеальном мире, даже не догадываясь, что за их спинами происходит самое настоящее предательство.

Нет! Нет-нет... со мной такого точно не должно произойти. Денис меня обожает... он бы никогда так не поступил.

Ключ в замке поворачивается минут через семь. Всё это время я хаотично мечусь по квартире, а когда в прихожей появляется Дэн, застываю соляным столпом.

Одного взгляда на мужа хватает, чтобы понять: то, что я подумала едва ли не в первую очередь – правда. И мой мир прямо сейчас, в эту самую секунду, летит в тартарары.

– Насть... – говорит Денис и делает шаг ко мне.

Я выставляю руку в защитном жесте. Муж спохватывается и начинает стаскивать обувь, на что я буквально кричу:

– Стой! Не разувайся!

Дэн вскидывает меня затравленный взгляд, смотрит с недоумением и тревогой. И это ещё одно доказательство того, что мне всё не почудилось. И я выдаю скороговоркой:

– Сначала расскажешь мне всё, а потом уже я решу, впускать тебя домой, или нет.

Денис за мгновение словно бы становится меньше. Он бледнеет, на лбу выступают бисеринки пота.

– Я думаю, что нам нужно просто спокойно поговорить, – произносит хрипло и снова шагает ко мне.

Делаю жадный вдох, лёгкие наполняются ароматом приготовленных блюд. Но теперь он кажется мне мерзким, едва ли не тошнотворным.

Я так и стою с выставленной перед собой ладонью. Даю понять этим Денису, чтобы не подходил. Хотя, хочется прямо противоположного – объятий и заверений, что произошла ошибка.

– Я спокойна, – вру из последних сил. – И слушаю.

Дэн замирает, запускает руку в волосы и вцепляется в них пятернёй. Кажется, что в любой момент он вырвет пару внушительных клоков.

– Это сообщение я отправил тебе случайно, – произносит он тихо.

– Я это поняла... У нас же с тобой детей нет.

Горько от этих слов становится. Да так, что во рту привкус металла появляется. А может, виной тому то, что я с силой прикусила щёку изнутри, чтобы хоть немного прийти в себя?

– Да. У нас с тобой их пока нет.

– Кому предназначалась эта смс-ка? – требую я ответа. Тон истеричный, нотки, звучащие в голосе, такие высокие, что кажется, вот-вот перейду на ультразвук.

– Только дай мне всё тебе объяснить! – умоляет Дэн, и я не выдерживаю:

– Кому предназначалось сообщение, чёрт бы тебя побрал?! – кричу с такой силой, что меня, должно быть, слышит весь наш подъезд.

Впрочем, плевать! Пошли все к чёрту – я должна знать, с кем мне изменил муж.

– Алисе...

Следующей порцией кислорода я буквально давлюсь. Сознание уплывает, я понимаю, что падаю. Покачнувшись, хватаюсь за воздух, и чувствую, как меня придерживает Денис.

– Прости... котён, прости, – шепчет, усаживая меня на стул.

А мне слышать ничего не хочется. И слушать тоже. Мой муж... Дэн... с Алисой. Господи! Люба – его дочь?

Перед глазами калейдоскопом – разноцветные пятна. Хоть бы отключиться, погрузиться в небытие, остаться там навсегда.

– Уйдиинии, – реву я чужим голосом. Страшным, надрывным, хриплым. – Уйдииниии!

– Насть, послушай меня, я всё объясню... – начинает Денис, но я обрываю его едва ли не визгом:

– Уйдиинии! Уйди! Пошёл воооон!

Спазмы в горле – один за одним, дышать не дают, сдавливают грудь тисками. Я не хочу больше ничего знать! Я не могу больше слушать! Не могу! Иначе сдохну прямо здесь. Нет этому всему объяснений. Нет и быть не может. Нельзя просто сесть и слушать, что станет говорить муж, который только что признался, что лучшая подруга его жены родила ему ребёнка.

– Настя...

Я вскакиваю на ноги, устремляюсь из квартиры. Туда, на лестничную клетку, где мерзко пахнет котлетами, которые наверняка снова спалила Евдокия Ивановна. Где прохладно, где можно хотя бы попытаться дышать. Лишь бы только больше не оставаться рядом с Дэном, не прокручивать в голове его смс... «Как там наша дочь?».

– Стой! Я уйду, слышишь? Я уйду! – вопит Денис, когда я судорожно колочу раскрытой ладонью по кнопке лифта. – Только вернись в квартиру.

Перевожу на него взгляд. Вижу – муж в ужасе. Смотрит на меня, а у самого зрачки – как два бездонных чёрных колодца. Голубая радужка заполнена темнотой едва ли не целиком.

– Не смей за мной ходить, – выдыхаю надломленно. – Не смей, понял?

И снова срываюсь с места, мчусь обратно в квартиру, оказавшись в которой, запираюсь на все замки. В груди чувство – как будто её распирает изнутри. Словно сердце стало огромных

размеров и стучит с таким ритмом, что причиняет лишь глухую боль. Я судорожно всхлипываю, плетусь на кухню. Можно ли мне выпить корвалола, или что там способно хоть отчасти облегчить моё состояние?

Наверное, это глупо – вот так реагировать. Не выслушав, не дав объясниться. Но я чувствую – сейчас всё на пределе. Нервы, моё физическое состояние, моя душа... всё дошло до того предела, зайдя за который я попросту свихнусь.

Первым делом немного прийдя в себя, я спохватываюсь. Мой ребёнок. И Алиса, которой наверняка начнёт названивать Дэн. Бррр... даже от мысли об этом так тошно, что к горлу подкатывает рвотный спазм.

«Не смей говорить Денису о том, что я беременна, ясно?» – быстро набиваю на телефоне сообщение.

Подруга – по-старинке ещё хочется назвать её так – перезванивает мне через несколько секунд. Я не беру трубку. Она так и продолжает набирать и набирать мой номер, понуждая меня гадать – успел ли уже Дэн созвониться с ней и узнать о нашем ребёнке, или нет.

Когда Алиса бросает свои попытки поговорить со мной, я отключаю телефон. Хватаю мусорное ведро и выбрасываю туда результат своего труда в виде горячего ужина. Всё к чёрту. Куда подальше с глаз, как будто это может хоть отчасти приглушить те чувства, которые бушуют внутри.

Мне не хочется оставаться в нашей с Дэном квартире. Самым верным сейчас было бы одеться и поехать к родителям, но я опасаясь, что Денис никуда не ушёл. Что сидит за дверью или в лифтовом холле, например. А мне сейчас совершенно не хочется его видеть. Слушать какие-то объяснения, которые уже ничего не изменят. Мне вообще ничего не хочется. Хватит его ошибки и знания, что всё это время он путался с моей лучшей подругой.

Я выключаю свет всюду, даже в коридоре, где неизменно оставляла небольшое бра. Квартира погружается в темноту, что вызывает у меня приступ паники. Наверное, именно так себя чувствуют люди с паническими атаками. Страх смерти, уверенность, что это состояние никуда и никогда не исчезнет... какой-то животный ужас, поселившийся внутри.

Когда всё же заставляю себя добрести до спальни и свернуться на постели калачиком, в дверь начинают названивать. Стучат, пытаются дозваться... Но я уже ничего не слышу, погружаюсь в вязкую тишину, где мне хоть на мгновение, но становится легче.

Полудрёма, в которой пребываю все часы до рассвета, больше похожа на состояние коматоза. Когда в окно стучится несмелый весенний рассвет, я сажусь на постели и думаю на отвлечённые темы. Например, о том, что мне очень жаль. Жаль, что всего лишь конец марта, а не начало июня, когда светает едва ли не в три часа утра, да и то ночи и не похожи на себя вовсе. Так было бы легче переносить окружающую действительность.

Плетусь в ванную, где заставляю себя почистить зубы, а следом – на кухню. Некоторое время стою застывшей статуей, думаю о том, стоит ли включать свет. Почему-то знаю – ни Алиса, ни Денис не спят. Ждут, когда в окнах квартиры загорится свет – их видно из дома подруги. Всё же щёлкаю выключателем и иду заварить себе чаю. Глупо бегать от того разговора, который так или иначе неминуемо случится. Тем более, что он вряд ли способен хоть что-то изменить. Добавить деталей в то, что вчера выплеснулось на меня как ледяной поток воды, – да. А изменить суть – нет.

Успеваю выпить крепкого сладкого чая – пустого, как говорит моя бабушка, – когда раздаётся звонок в дверь. Неторопливо ополаскиваю чашку, словно рассчитываю на то, что утренние визитёры уйдут, но когда смотрю в глазок, убеждаюсь – ни Алиса, ни Денис никуда не исчезли.

– С тобой поговорю, – распахивая дверь, без приветствия объявляю подруге, за спиной которой маячит мой муж. – Дэн, с тобой потом, хорошо? Сил на вас обоих у меня сегодня нет.

Странно, но я действительно хочу выслушать именно Алису. Потому что доверяла ей все эти годы, как самой себе. Знала её дольше Дэна, хоть это и не повод пока задвигать его на вторые роли. Просто я чувствую сейчас, что так будет правильнее для меня.

– Насть, ты меня выслушай, а? – просит Денис, на что я лишь мотаю головой.

– Позже. Сейчас я готова на разговор только с Алисой.

Они быстро переглядываются. Молчаливо что-то решают между собой, а мне уже хочется захлопнуть перед обоими дверь. Ведь всё это время, все годы нашей с Дэном супружеской жизни они общались за моей спиной, обсуждали будущее Любаши... Чёрт! Почему, ну почему эта малышка мне настолько близкая и родная? Насколько проще было бы, если бы я в глаза не видела ребёнка, нагулянного моим мужем на стороне!

– Я зайду, – говорит Алиса и я отступаю. Дэн продолжает переминаться с ноги на ногу в общем коридоре.

– Насть... я хочу, чтобы ты меня выслушала, – шепчет он, а у самого такой вид, как будто я только что лично избила его кнутом, как палач.

– Позже, я же сказала, – отрезаю в ответ, хотя, один бог видит, чего мне это стоит.

После чего захлопываю дверь, чтобы пройти на кухню и без сил упасть на стул.

Алиса какое-то время возится в прихожей. Да уж, этот разговор будет трудным не только для меня. Я бы вообще многое отдала, чтобы его не было.

– Я надеюсь, ты выполнила мою просьбу и Денис не знает о том, что я беременна? – тихо спрашиваю подругу, когда она заходит на кухню и устраивается напротив.

– Я ничего ему не говорила, – мотает она головой.

А сама взгляд опускает и смотрит прямо перед собой. Я не знаю, с чего мне начать разговор. Только надеюсь, что Алиса пришла не для того, чтобы мы с ней вдвоём помолчали.

– Знаю, что мне нужно было тебе всё рассказать сразу, – всё же начинает она, и последняя надежда на то, что произошла ошибка, превращается в пепел.

– Почему этого не сделала? – спрашиваю безжизненным голосом.

Вроде как кричать должна, посуду бить... что там ещё положено делать обманутым жёнам? А я сижу и совершенно ровным тоном беседую с... соперницей. Или как её называть теперь? Ведь подруга она для меня только по старой памяти.

– Потому что Дэн тебя очень любит и безумно боится потерять.

– Так боится, что врал всё это время? – хмыкаю я, но Алисе не до псевдо-веселья.

– Именно поэтому. А я много раз представляла наш с тобой разговор, да только сейчас все слова куда-то растерялись.

Я делаю глубокий вдох. Внутри так больно, что мне кажется, словно все кости превратились в прутья из калёного железа.

– Ну, попробуй вспомнить, что сказать хотела, когда разговор представляла, – пожимаю я плечами, а сама чувствую, что держусь из последних сил.

– Когда я вас с Денисом познакомила, уже была беременна. Просто не знала об этом, – осторожно говорит Алиса, а сама вглядывается в моё лицо.

Я непонимающе хмурюсь. В тот момент как-то не придавала особого значения тому, когда залетела Алиса. А на мой вопрос от кого этот ребёнок, она и вовсе отмахивалась и говорила, что это неважно. И всё это время, выходит, знала, что отец – Дэн...

– Зачем тогда нас знакомила?

– О беременности я узнала позже. Когда вы уже друг в друга втюрились, как двое подростков... Сразу, с первого взгляда.

Да уж... только это всё, кажется, принадлежало какой-то другой жизни.

– Мы с Денисом раз переспали только. Он тебя ещё не знал тогда. Сама не пойму, почему в койке оказались. Он – тоже. Но вроде как свободные оба были. А я залетела.

Каждое слово её – мне гвоздём прямо в душу. Неважным кажется, что вроде как предъявить им мне нечего. Кроме того, что несколько лет они за моей спиной тайну скрывали, одну на двоих.

– И ты считаешь, что сейчас скажешь мне всё это, Дэн подтвердит, и мы снова заживём как раньше? – вскидываю я брови, глядя прямо в глаза Алисы.

– Нет, конечно... Но Насть... Прости меня... Мне так хреново, хоть на стенку лезь.

А мне-то как хреново. Это меня водили за нос все эти годы, хотя, я имела полное право знать, что мой муж и моя подруга стали родителями общего ребёнка. Вот только вряд ли бы я прожила после этой новости пять счастливых, как мне самой казалось, супружеских лет с Денисом.

– А Любаша? Она же явно не знает ничего?

Наконец до меня доходит то, что кажется еще более ужасным, чем ложь мне. Люба бы непременно проговорила о папе. Назвала бы так Дэна, если бы знала.

– Нет, – мотает головой Алиса. – И так правильно. Денис всегда рядом. Он для неё – муж крёстной мамы, почти папа.

– Ты себя хоть слышишь?! – не выдерживаю я, вскакивая с места. – Люба имеет полное право знать, что Денис – её родной отец! Как я имела полное право знать, что у вас с моим мужем – общий ребёнок! А не сидеть сейчас с чувством вины, которое ты мне пытаешься навязать!

Теперь уже и Алиса смотрит на меня так же, как совсем недавно Денис.

– Какое чувство вины, Насть? – произносит с непониманием.

– Такое... это всё делалось из-за меня и во имя великой любви мужа, который бы меня потерял, если бы я узнала. Фу... какая же гадость!

С отвращением морщусь, иду к окну. Поворачиваюсь спиной к Алисе, чтобы только не смотреть на неё и не ловить её взгляд. В нём – надежда на то, что этот разговор завершится, и всё снова станет как раньше. Неужели они настолько плохо меня знают? Неужели действительно считали, что всем этим можно было объяснить их нежелание сказать мне правду?

– Нет здесь желания тебя ни в чём обвинить, – тихо отвечает Алиса, когда мне начинает казаться, что она просто встанет и уйдёт, потому что ей нечего мне сказать. – Хочется только, чтобы поняла.

– Не понимаю. И не пойму, уж прости. Вы меня не изучили толком за эти годы, если думали, что я смогу такое принять. Ах, да. Я забыла. Эта тайна должна была остаться таковой до гробовой доски.

– Да, Насть. Именно так.

Алиса поднимается на ноги – слышу это по скрипу ножек отодвигаемого стула. Подходит ко мне, трогает за плечо. Понуждает обернуться, что я и делаю, лишь только складываю на груди руки в защитном жесте.

– Я не знаю, что будет с Дэном, если он тебя потеряет. Когда думала о том, чтобы всё же уговорить его тебе всё рассказать, сразу понимала – не выйдет. Он сдохнет, но не рискнёт. Потому что без тебя его не станет. И мне очень жаль, что ты всё узнала... вот так.

– Я узнала не «вот так», а слишком поздно. И самое поганое знаешь что?

Я невесело хмыкаю, обхожу Алису и направляюсь к раковине. Мне нужно отрезвиться. Плескать и плескать в лицо холодной водой, пока не приду в себя. Вместо этого просто смачиваю кухонное полотенце и прикладываю ко лбу.

– Самое поганое, что это ты. И Любаша. Понимаешь? Будь на вашем месте какая-нибудь Маня и незнакомый мне ребёнок, наверное, и вполовину так больно бы не было.

Алиса с силой прикусывает нижнюю губу. Так, что она белеет.

– Настюш... давайте втроем просто посидим и всё это обговорим. Ничего же не поменяется. Всё так и будет дальше. У вас с Дэном маленький скоро родится. Любаша вас и так

за маму и папу считает. У нас с Денисом вообще даже близко никаких отношений нет, кроме дружеских. И быть не может.

Она говорит что-то ещё, а у меня в висках пульс с такой скоростью бьётся, что заглушает все звуки. Алисе легко говорить. Это не она на моём месте. Это не она по уши во вранье двух близких людей. Это ей удобно будет сделать вид, что ничего не случилось. Но не мне.

– Всё уже изменилось, Лис, – говорю ей, когда она замолкает. – С мужем я поговорю, но не сейчас. Донеси до него, чтобы меня пока не трогал, хорошо?

Я направляюсь в прихожую, Алиса следует за мной. Молча обувается и накидывает куртку.

– Хорошо... – выдыхает она. – И между мной и Дэном вправду ничего нет и не было. Ну... кроме как тогда.

– Да разве же в этом дело? – невесело откликаюсь, ожидая, что Алиса поймёт: на этот вопрос отвечать не нужно.

Она уходит через несколько мгновений. Кажется, Денис снова предпринимает попытку со мной поговорить... но я лишь захлопываю дверь, желая одиночества.

И ничего кроме.

Визит мамы – как нельзя более вовремя. Она вообще умеет навещать в тот момент, когда мне это нужно больше всего. Самый близкий мой человек, ну, кроме Дэна, конечно. Хотя сейчас, видимо, единственно-близкий...

– Синяки под глазами. Или плакала, или не выспалась, – выносит вердикт с порога, вручая мне пакет, в котором звякают банки.

Наверняка снова накупила мёда, какого-нибудь замудрёного варенья, вроде из грецких шишек, или сосновых орехов... Мамуля в этом самый настоящий специалист.

– Расскажу, – обещаю ей, улыбаясь через силу. – Чайник пойду поставлю. Или закажем что-нибудь из ресторана?

По правде говоря, совершенно не хочется есть, но наверное, надо уговорить себя осилить хоть что-то. Мама же хмурится – видимо, моё предложение накормить не собственной стряпнёй выбивается из общего представления об её дочери.

– Поняла. Давай чай, – кивает она. – Я руки вымою и приду.

Я без интереса разбираю пакет, на столе начинает шуметь чайник. Маленькие баночки с яркими этикетками. К ним можно сделать несколько тостов – на этом мои кулинарные способности на сегодня падут смертью храбрых.

– Здесь крем-мёд, как ты любишь. Один с малиной, второй – с клюквой. Ну и так, по мелочи нахватала, – комментирует мама небольшой склад на столе.

– Спасибо, – вот и всё, на что меня хватает.

Мама всё понимает без лишних слов. Кивает на стул, на который и опускаюсь секундой позднее. И впервые за свою жизнь задаюсь вопросом – смогу ли рассказать матери о том, что случилось? Между нами не было запретных тем, каких-то табу, но как же поведать о боли, которую чувствую каждой клеточкой тела?

– Вы с Денисом поругались, – говорит мама, не спрашивая, а утверждая.

Деловито кладёт в тостер ломтики пшеничного хлеба, наливает чай. Я слежу за её действиями с какой-то отрешённостью, в которой не узнаю саму себя.

– Поругались? Это мягко сказано, – вздыхаю, осознавая, что разговор неизбежен.

Нет, мама совсем не будет настаивать на беседе на тему, которая мне как кинжал по натянутым до предела нервам. Я сама расскажу ей всё. Чтобы только не было так глухо внутри, чтобы только поделиться тем, что ощущаю.

– Да уж... если вы умудрились рассориться так, что на тебе лица нет, – качает головой мама, не закончив фразу.

Ставит передо мной тарелку с тостами и чашку чая, открывает баночку крем-мёда. До меня доносится малиново-пряный аромат, но сейчас от него тошнит.

– Рассказывай, – говорит мама, устраиваясь напротив и отпивая глоток чая.

Я дожидаюсь, когда она отставит чашку прежде чем выдать сразу и всё:

– Любаша – дочь Дениса. Я узнала об этом вчера. Сразу после того, как три теста на беременность показали положительный результат.

Произнесённые слова скорее похожи на сухой отчёт, от которого, впрочем, у мамы глаза округляются настолько, что почти перестают помещаться на лице.

– Чьи... тесты? – выдыхает она ошарашено, видимо, начиная подозревать, что у меня не всё в порядке с головой.

И это объяснимо – скажи мне кто-то вчера утром ту ересь, что я сама сейчас говорила, я бы сама подумала – а не сумасшедший ли он?

– Мои тесты. Я беременна, – выдыхаю четыре слова, а самой отчего-то в это совсем не верится.

Наверное, потому что ощущение счастья от этого было скоротечным и рухнувшим в одночасье. И если я и думала о чём-то за последние несколько часов, так это вовсе не о материнстве.

– Так. С чаем я погорячилась, – говорит мама, после чего, чуть пошатываясь, поднимается из-за стола, выуживает из шкафчика бутылку Сапериави и наливает себе бокал.

Приговаривает залпом, наполняет снова.

– Обратно возьму такси, – поясняет она, хотя последнее, о чём я сейчас собираюсь спрашивать – как мама доберётся до дома. – Кисуль... а ты точно мне сказала... ну... – осторожно начинает она, и я заканчиваю за неё:

– О том, что Люба – дочь Дениса? Да.

– Господи...

Мама начинает метаться по кухне. Её руки подрагивают, и меня саму тоже начинает бить мелкий озноб.

– Что значит, Люба – дочь Дениса? Алиса что... они были вместе всё это время? – ужасается мама, когда до неё доходит весь смысл сказанного.

– Уверяют, что нет, – пожимаю я плечами.

Стараюсь говорить ровно, даже равнодушно, но выходит откровенно хреново.

– Как это уверяют? Они сами признались?

– Денис по ошибке прислал сообщение не Алисе, а мне, где спрашивал, как его дочь. Скрывать оба ничего не стали. Говорят, что у них было раз, ещё до того, как мы с Дэном познакомились. Это мне сказала Алиса.

Ну почему это обстоятельство никак не нивелирует то ужасающее чувство предательства, которое, кажется, поселилось внутри навечно? Хотя, я знаю, почему. Ложь. Вот, что я не готова простить. Многолетнюю осознанную ложь.

– Я не знаю, что тебе сказать, Настён... не знаю, – шепчет мама в ответ.

Не бросается хаять моего мужа последними словами, не восклицает с облегчением каких-то глупостей вроде того, что эта ситуация яйца выеденного не стоит. Просто озвучивает то единственное, что я готова сейчас услышать. Потому что я и сама не знаю – ни что сказать, ни что подумать, ни что стоит чувствовать.

– А где сейчас Денис?

– Понятия не имею. Я не могу с ним говорить.

– Но рано или поздно придётся.

Я всё же отпиваю глоток чая, чтобы хоть немного притупить ту горечь, которая больше похожа на оскомину.

– Придётся, да.

– Он знает про ребёнка?

– Пока нет.

Мама делает глубокий вдох, опускает взгляд на скрещенные на столе руки.

– Я считаю, что тебе нужно всё обсудить с Денисом. Вообще всё.

– На данный момент мне было достаточно разговора с... подругой.

Совсем скоро я отучу себя говорить об Алисе так, но пока наша дружба ещё существует в самом обозримом прошлом – эта привычка со мной.

– Ну, подруга – это не то, что муж, – резонно говорит мама. – И наверное, не стоит это озвучивать, но я целиком и полностью на твоей стороне.

Я машинально киваю, опускаю взгляд на пальцы, которыми тереблю край футболки. Зря считала, что мне полегчает, если хоть немного выговорюсь. Кажется, всё напрасно. По крайней мере, пока...

– Настён, слушай... – начинает мама, но договорить не успевает.

Её перебивает настойчивый звонок в дверь. Я испуганно перевожу взгляд с мамы на прихожую и обратно. Становится тяжело дышать, потому что чувствую, кто именно пришёл. Мне этого даже не нужно знать.

Мама понимает всё без лишних слов. Тихо поднимается из-за стола, на цыпочках выходит, чтобы совсем скоро вернуться и под аккомпанемент трели звонка шепнуть одними губами:

– Это Денис.

Я не знаю, откуда вдруг во мне берётся то, что чувствую в следующую секунду. Но оно рождается и крепнет с каждым мгновением. Злость, помноженная на обиду. Нежелание стать затворницей в собственном доме, вынужденной прятаться и ходить по струнке каждый раз, когда обманщику-мужу придёт в голову сюда приехать. А если Дэн вообще решит поселиться за дверь? Нет, это ненормально.

– Я поговорю с ним, – произношу уверенно.

Ну, или мне это только кажется.

– Точно? – спрашивает мама всё тем же шёпотом.

– Однозначно, – решаю, когда Денис перестаёт мучить кнопку звонка, но переходит на яростный стук.

После чего иду в прихожую на негнущихся ногах. Делаю жадный вдох прежде чем отворить, и когда делаю это, Дэн шагает ко мне, падает на колени, обнимает мои ноги и шепчет:

– Прости...

Не сразу понимаю, что он пьян. Рядом со мной тут же появляется мама, она всплескивает руками, что-то говорит, но я толком ничего не могу понять. Лишь только вслушиваюсь в бесконечное Деново: «Прости... прости меня». И сожалею, что открыла. Гораздо проще было бы прятаться, скрываться, молчать... Делать всё, чтобы оттянуть этот момент на неопределённое время. Проще... но вот легче ли?

– Денис, Денис, что же ты? – сбивчиво говорит мама, пытаюсь поднять зятя с пола.

Тот всё же встаёт с колен, порывисто прижимает меня к себе, снова начинает что-то говорить, а я стою истуканом и не знаю, как стану выходить из этой ситуации. Не прогонять же его, пьяного, за порог? Тем более, что Дэна в таком состоянии я видела от силы пару раз.

– Людмила Бол-Борисовна, – заикаясь, шепчет Денис, так и не отпуская меня.

– Людмила Борисовна рядом, – с нервным смешком отвечаю, и наконец оживаю.

Высвобождаюсь из кольца рук мужа. Отступаю на шаг иставляю руку, когда Денис инстинктивно подаётся ко мне.

– Ты выбрал не самое лучшее своё состояние для того, чтобы сюда явиться! – чеканю, уже зная, что если сейчас муж уйдёт, я сильно об этом пожалею. Хотя бы потому, что вся изведусь – добрался ли он хоть куда-то целым и невредимым.

– Я не мог... не могу, – прикрывает глаза Денис и мотает головой. – Не могу иначе.

Меня начинает подташнивать. Это всё от нервов. Но что предпринять – ума не приложу. Мама всегда говорила мне, что не стоит устраивать разборательства с пьяным мужем, вернувшимся под утро. Просто дать ему выспаться, а потом устроить разнос. Вот только поводов мне Денис не давал до этого ни разу.

– Настенька, ты только не волнуйся, – вступает весьма вовремя мама, видя моё состояние. После поворачивается к Дэну: – Идём... идём, умоешься.

Они уходят в сторону нашей спальни, а я прикрываю лицо ладонями и сразу же начинаю с силой его растирать. Всё кажется, морок вот-вот растает, исчезнет, а вместе с ним и этот кошмар.

Запираю дверь, что всё это время была распахнута настежь, иду на кухню. Прибираю со стола и эти отточенные заученные движения снова дают мне возможность хоть немного прийти в себя. Мама присоединяется ко мне минут через пять. Заходит на кухню и шёпотом сообщает:

– Он лёг и заснул.

В её голосе сквозят виноватые нотки, а у меня по нутру разливается облегчение. Дура... радуюсь, как распоследняя идиотка тому, что муж дома.

– Спасибо, мам, – произношу ровно, в сотый раз протирая и без того чистый стол.

– Я подумала, лучше пусть здесь проспится, а потом и поговорите, – продолжает она.

– Спасибо. Да, так будет правильнее.

Отбросив тряпку, я обхватываю себя руками и подхожу к окну. За ним уже разливается мягкий весенний вечер, один из тех, в прохладу которого хочется выйти и немного прогуляться перед сном. Мы так часто делали вдвоём с Денисом. Бродили по улице, держась за руки, болтали без умолку, или же просто молчали.

– Я тогда домой поеду, – говорит мама, когда наконец отлипаю от окна и поворачиваюсь к ней.

– Да. Хорошо.

А голос будто и мне не принадлежит вовсе. Чужой и отстранённый. Я и сама сейчас себе такой кажусь.

– Если вдруг понадобится, ты меня сразу вызывай. Тем более, машину у дома вашего брошу, раз выпила.

Она идёт в прихожую, а у меня в голове слово одно бьётся – вызывай. Прямо как службу спасения. Меня и что – действительно нужно спасать?

– Всё, Настя... созвонимся, – прощается мама, и когда я киваю, выходит из квартиры.

Едва за ней закрывается дверь, как на меня обрушивается звенящая тишина. Вроде бы и часы на стене отмеряют стрелками ход времени, и нет-нет, да из спальни доносится всхрип Дениса, только в голове у меня – тишина.

Под отсутствие звуков иду в ванную, где наскоро принимаю душ. Стараюсь ни о чём не думать, хотя мысли и лезут в голову. Противные, как будто бы вязкие, словно болото. Кажется, погружусь в них с головой и уже не окажусь на поверхности.

Когда захожу в спальню, начинает щемить сердце. Денис спит на нашей с ним постели. От этой картины по телу проносится странное чувство. Как будто щекотно изнутри, но от этих ощущений не смеяться, а плакать хочется.

Стоп, Настя. Тебе совсем нельзя волноваться. Ты должна повторять эти слова, как мантру. Повторять и верить в них. Есть в первую очередь вы с ребёнком, остальное – не столь важно. Осталось лишь убедить себя в этом, что сделать не очень-то и получается.

Устраиваюсь спать на диване в гостиной. Ложиться рядом с мужем, делать вид, что на данный момент всё по-прежнему – тот самообман, которого я не хочу. Хотя, возможно, он и стал бы спасительным на время, но нет... я его совсем не желаю.

Заснуть удаётся далеко не сразу. Меня атакуют миллиарды мыслей и воспоминаний. Мелькают в голове сплошным калейдоскопом с такой скоростью, что вскоре я перестаю что-либо различать. А когда мне уже начинает казаться, что меня вот-вот замутит так сильно, что я побегу в ванную, я всё же проваливаюсь в беспокойный сон.

И лишь одна мысль приносит мне всё то же обманчивое облегчение – Денис здесь, рядом. В нашем с ним доме. И от этого хоть немного, но становится свободнее дышать.

Просьпаюсь от аромата свежесваренного кофе. Не сразу вспоминаю, в каком состоянии уснула и почему сделала это не на законном супружеском ложе, а в гостиной. С удивлением обнаруживаю, что я укрыта. Обстоятельства последних пары дней возникают в голове со всей их пугающей простотой. Это отрезвляет. А так хочется снова закрыть глаза и солгать себе, что ничего не случилось.

Вместо этого поднимаюсь с постели и иду на кухню. У плиты хозяйничает Денис. Ну, как хозяйничает? Пытается изобрести что-то вроде яичницы-глазуни, вот только «глаза» при этом получают то выбитыми, то подбитыми.

– Чёрт! – ругается он шёпотом, когда обжигает руку и отдёргивает её от сковороды.

– Кулинария – это явно не твоё, – говорю устало, когда присаживаюсь за стол.

Моё появление для Дениса – неожиданность. Он резко оборачивается, на лице мужа появляется такое выражение, какого не видела ни разу в жизни. Не знай я Вихрова так хорошо, я бы даже подумала, что он... боится. Впрочем, сейчас я совсем не уверена в том, так ли хорошо успела изучить собственного мужа за годы брака.

– Доброе утро, – говорит он с виноватой улыбкой. – А я тут завтрак тебе готовлю.

Выключив плиту, Денис снимает новую порцию яичницы и кладёт её на тарелку к остальным своим шедеврам кулинарии. Также на столе стоит корзинка с тостами и пустые чашки. Две.

– Видимо, завтрак не только мне, – киваю на тарелки и приборы.

Дэн накладывает мне еды, от вида которой к горлу снова подкатывает спазм.

– В основном тебе, – говорит муж и вдруг ошарашивает меня так, что я едва не падаю со стула.

Всего на мгновение засомневавшись, Денис выдаёт скороговоркой:

– Ты должна хорошо питаться. Я знаю, что у нас будет ребёнок.

Приходится призвать на помощь всю свою выдержку, которой, если уж так посудить, осталось совсем немного. Она держится на тоненькой ниточке, и любое следующее событие эту ниточку может оборвать. И чем тогда всё завершится не знает никто. Особенно я.

– Понятно. Значит, Алиса тебя уже обо всём уведомила, – хмыкаю невесело.

Зачем она это сделала? Какие цели преследовала? Хочу ли я вообще знать ответы на эти вопросы?

– Она не специально, – говорит Денис, присаживаясь напротив.

И взгляд мой пытается не только поймать, но и удержать. А я глаза отвожу, потому что смотреть на мужа нет никаких сил. Сразу картинки в голове – как он с Алисой переспал... пусть и было это ещё до нашего с ним знакомства.

– Не специально, ага. Случайно за семейным ужином проболталась.

– Насть... зачем ты так?

Вот теперь Дэну удаётся завладеть моим вниманием безраздельно. Он это сейчас серьёзно?

– Зачем Я так? Ты думаешь, о чём спрашиваешь, Вихров?

– Именно... нет ведь у нас с ней семьи никакой и тебе прекрасно это известно.

Я рвано выдыхаю. Голос у Дениса такой просящий... даже умоляющий. Слышать эти нотки, что в нём звучат, словно ножом по сердцу.

– Это не меняет того факта, что вы оба мне врали. И если Алиса – моя подруга, бывшая, кстати, то ты... Ты же муж мой, Дэн. А лгал мне каждый день!

Последние слова выкрикиваю, вскочив с места. Не могу спокойно сидеть, когда внутри словно ураган бушует.

Вихров смотрит на меня снизу-вверх, на его лице такое выражение, словно его ударили.

– Мне дерьмово, кисуль... дерьмово безумно.

– Мне – не легче! – всхлипываю, а сама губу прикусываю до боли. Лишь бы не расплакаться.

– Давай всё это остановим... прошу. Прости меня.

Дэн вскакивает следом, хватая меня в охапку и вжимает в себя, а я, как дура, дышу родным запахом и надыхаться не могу. Но даю себе на это лишь несколько секунд, по прошествии которых отпихиваю Дениса.

– Остановим? Нечего останавливать, слышишь?

Грудная клетка Дэна поднимается и опускается, и моё дыхание вторит его – надсадному и тяжёлому.

– Я не знаю... может, и измену бы простила. Сиюминутную, по пьяни... я не знаю...

Обхватив себя руками, вышагиваю по кухне. Иллюзия того, что этот «марш» помогает относиться ко всему проще, придаёт хоть немного сил.

– Насть... не изменял я тебе, понимаешь? – шепчет Денис.

Ко мне снова шагает, но я уворачиваюсь от его объятий. Нет! Не я не понимаю. Не понимает как раз Дэн.

– Я знаю. И верю. Но ложь вашу простить не могу. По крайней мере, не сейчас.

– Что мне сделать нужно? Ну что, скажи!

Я невесело хмыкаю и качаю головой. То, что может спасти ситуацию, сделать невозможно. Нет способа вернуться на несколько лет назад и всё перекроить и переделать. Его попросту не существует!

– Мы поговорим. Позже. Когда в себя приду. Пока же всё, о чём прошу – покой, – выдыхаю и иду в нашу спальню.

Денис следует за мной, а у меня внутри так горько. О ребёнке он узнал, ну надо же... и вот реакция. Хотя, чего я ждала? Радостных воплей и благодарностей за то, что стану мамой его сына или дочери? Да, их и ждала бы, если бы не чёртова правда, всплывшая так внезапно.

– Вещи собери, пожалуйста, – выдавливаю из себя.

От картинок того, как муж складывает в сумку футболки, штаны, трусы и носки, как забирает свою зубную щётку, зарядку для планшета и телефона, изнутри жжётся. Но я не могу иначе. Не могу просто закрыть глаза на случившееся и делать вид, что всё в порядке. Продолжать жить с Денисом, ложиться с ним в одну постель. Готовить ему завтрако-обедо-ужины и притворяться, что ничего не стряслось.

– Насть... у нас малыш ведь будет, – говорит Денис о том, что я не забывала ни на секунду. – Мы же его так ждали. Так хотели.

Да... И всё это время Дэн знал, что у него уже есть дочь. Приезжал к ней, играл, пусть Любаша и не называла его отцом.

– Я в курсе, Вихров. Потому и прошу покоя.

– А потом?

А я и сама не знаю, что потом. Продумывать даже на час вперёд не могу и не хочу, не то что на какие-то мифические шаги длиною в неделю или даже в день.

– Пока не скажу. Но очень надеюсь, что состояние, когда меня не будут трогать, всё же продлится как можно дольше.

Выйдя из спальни, иду на кухню. Нетронутый завтрак остыл, да я вряд ли смогла бы заставить себя съесть хоть кусочек, даже будь он трижды горячим.

Сев за стол, ловлю себя на том, что чутко прислушиваюсь к тому, что происходит в квартире. Сначала различаю лишь тишину. Потом она сменяется скрипом дверец шкафа и шагами Дениса. Заставляю себя не представлять, как муж собирает вещи. В любой другой момент это показалось бы мне таким ужасающим, что, наверное, я бы тотчас просто легла и умерла на пороге, который бы Дэн переступил, чтобы уйти от меня. Но сейчас так и вправду будет лучше.

Когда слышу, как вжикает «молния» на сумке, внутренне подбираюсь. Впереди самое тяжёлое – распрощаться с мужем. Но ведь я сама просила его об этом, не так ли? А может, Денис и вовсе захочет уйти молча, тем самым избавив и меня, и себя от ненужных эмоций?

– Насть... я не исчезну никуда, слышишь? – говорит он, появляясь на пороге кухни.

В руках Дэна – его вещи, и на этом всё.

– Особенно сейчас, когда малыш у нас будет.

– А если бы не было, ты бы пропал? – усмехаюсь болезненно.

Сама же знаю – не пропал бы, потому что так обмануть себя, будучи уверенной в любви Дэна, я не могла бы. Он действительно меня любит, вот только как ложь может жить рука об руку с этим чувством – не знаю.

– Дурочка. Никуда от тебя не исчезну. Мне только ты нужна.

Он уходит. Просто обувается в прихожей, а потом за ним захлопывается дверь. В этот момент ощущаю себя особенно одинокой. Это понимание давит, как и стены квартиры. Сбежать бы отсюда, да сил нет ни на что. Остаётся лишь надеяться, что я обрету долгожданное спокойствие, но что-то мне подсказывает, что это случится очень и очень вряд ли.

– Насть! Настя! Зову, а ты не слышишь. Задумалась о чём-то?

Я вздрагиваю, выходя из состояния задумчивости. Не сразу понимаю, где нахожусь, но монитор перед глазами с колонками цифр на экране и маячащий позади Михаил явно указывают на то, что я на работе.

– Миш, прости, я в прострации какой-то, – озвучиваю очевидное.

Поднявшись из-за стола, растираю затекшие мышцы шеи. В глазах печёт – нужно будет использовать капли. – Я так и понял, – кивает Михаил. – Предлагал сходить кофе выпить. А лучше пообедать. Как на это смотришь?

Про еду в этот момент думается в последнюю очередь, но если так пойдёт и дальше, меня увезут на скорой с истощением. А в моём положении этого уж точно допускать нельзя.

– Давай, – улыбаюсь мягко и, взяв сумку, направляюсь к выходу из отдела.

В кафе на первом этаже безлюдно. Сотрудники предпочитают обедать в небольшом ресторанчике неподалёку, где подают отличные бизнес-ланчи. Мы же с Мишей присаживаемся за столик у окна, где начинаем штудировать меню на предмет того, чем перекусить.

– Ты странная какая-то, – говорит Михаил и смотрит на меня так пристально, что мне становится не по себе.

Мы с ним не то чтобы друзья, скорее, нас можно назвать приятелями. Ходим раз в неделю пообедать или выпить кофе и поболтать ни о чём и обо всём сразу. И хотя Ленка из соседнего отдела уверена в том, что Миша в меня влюблён, я считаю это глупостью.

– Почему странная? – вскидываю бровь.

Вновь приходится побыть немного актрисой. Надеть маску, сделать вид, что не понимаю, о чём речь.

– Как будто передо мной другая Настя, – с улыбкой говорит Миша.

И наверное, он прав. Я и сама чувствую себя так – другой. Правда, пока не знаю, что с этим делать, и что ощущаю от этого понимания.

– Все мы рано или поздно становимся иными, – пожимаю плечами.

Что-то разговор начинает приобретать какие-то философские оттенки. Не то чтобы мне это не нравится, просто я не хочу делиться личным даже в виде подобных полунамёков.

– И что тебя побудило таковой стать? – не унимается Михаил.

Прищурившись, смотрю на сидящего напротив мужчину. Может, Ленка права была, и он действительно в меня влюблён? А сейчас пытается вызнать о том, что касается только меня?

Да ну, глупости. Про меня и Дэна из нас двоих знаю только я, в этом даже сомневаться не приходится. Значит, это всего лишь разговор ни о чём.

– Да мало ли что могло побудить? Всё меняется, Миш. Я это поняла очень отчётливо. Сегодня всё так, а через секунду – совсем иначе.

– Понятно. Значит, подробностей не будет.

Он усмехается, принимается за салат, который перед ним поставил официант. А я в последний момент успеваю остановить себя, чтобы не сказать про беременность. О ней и без того уже знает слишком много людей, а Миша... Он всего лишь тот, с кем я хожу пообедать.

– Не будет, – отрезаю я, после чего тоже принимаюсь за принесённую мне еду.

– Настя! Мама Настя!

Меня снова зовут, и на этот раз, я с первых нот слышу детский голосок. Замираю, не торопясь поворачиваться. Ловлю себя на том, что мне хочется сбежать, а вместо этого резко разворачиваюсь, чтобы понять, кто рядом с Любашей. Самым желанным будет увидеть маму Алисы, самым ужасным – Дэна в компании с матерью его ребёнка.

– Привет, – тихо здороваюсь, присаживаясь на корточки перед малышкой.

Она обнимает меня за шею, прижимает к себе. Когда отстраняется – на лице вижу встревоженность.

Алиса тоже здесь. Стоит в нескольких метрах от нас и просто наблюдает. Я стараюсь на неё не смотреть. Сейчас есть только я и Люба. Маленькая девочка, которая ни в чём не виновата.

– А почему я тебя так давно не видела? – спрашивает она. – Я болела, а ты не пришла.

Точно... Любаша же плохо себя чувствовала, а я даже не удосужилась узнать, как она. Раньше бы прибежала в тот же миг.

– Я тоже не очень хорошо себя чувствовала, – почти не вру в ответ.

На лице Любы тревога становится совсем уж явственной.

– А сейчас всё прошло? – хмурит она брови.

– Да. А у тебя?

– И у меня. Только вы с дядей Денисом не приходите никак.

Мне становится нехорошо. Сейчас слышать из уст Любы «дядя Денис» особенно жутко, что ли. И это не даёт мне возможности толком осознать – Дэн не отправился к Алисе, они вдвоём не посадили перед собой Любашу и не рассказали ей правду. Рада ли я этому? Пока не знаю.

– Я приду, – заверяю Любу. – Только с делами разберусь и приду.

Мы смотрим друг на друга несколько секунд. В ответном взгляде ловлю ту серьёзность, которой раньше то ли не замечала, то ли не придавала ей особого значения.

– Любаш... иди на площадке поиграй, – говорит Алиса, подходя к нам.

Люба смотрит на маму, потом – на меня. Теперь в её глазах сомнение, что ей и впрямь нужно сделать то, о чём её попросила Алиса.

– Ладно. Но мы ведь домой собирались, – говорит прежде, чем убежать в сторону качелей.

Я поднимаюсь на ноги и засовываю руки в карманы пальто. Холодно становится, как будто на улице не весна, а самый настоящий морозный январь.

– Извини меня, – тихо говорит Алиса, как будто опасается, что нас могут услышать. – Дэн выпил, ко мне пришёл, чтобы помогла...

Она опускает взгляд и трясёт головой, а мне тошно опять от того, что говорит некогда лучшая подруга. Понимаю, о чём она. О том, что сдала меня со всеми потрохами.

– Ну? Помогла? – хмыкаю в ответ.

– Я не о том. Он к тебе собирался, сказал, что всё решит. А я как представила, что тебе волноваться нельзя...

Обрываю речь Алисы смехом. Запрокидываю голову и невесело, но очень громко смеюсь. Лишь бы только Любаша, играющая неподалёку, не ужаснулась этому.

Но мне и вправду смешно. Волноваться мне нельзя, ну надо же!

– И как только ты это поняла, тут же выложила ему то, о чём я тебя просила молчать?

– Насть...

– Вы сговорились, что ли? Насть, Насть... Хватит!

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но снова меня останавливает лишь одно. Маленькая девочка, которая играет в нескольких метрах от нас. Обманутая, как и я. И беззащитная, в отличие от меня.

– Расскажи всё. Как и что между тобой и Денисом было, когда только о Любе узнали.

Алиса головой мотает, но в этом жесте не потребность отмахнуться от того, что я буквально требую.

– Да ничего особо не было. Я узнала, что беременна. Первым делом скрыть хотела. Потом поняла, что у двоих моих самых близких людей вопросы возникнут.

Она на меня взгляд вскидывает, и в нём столько всего просящего, что теперь уже моя очередь замотать головой в попытке отстраниться.

– Дальше, – говорю ей.

– А дальше ничего. Дэну о дочери сказала. Тебе тоже хотела, но он сразу на дыбы. Тебя потерять не хотел.

– То есть, вы оба рассчитывали на то, что станете скрывать правду, чтобы... сохранить меня с вами рядом?

– Да.

Я снова нахожу глазами Любашу. Вот она – малышка, у которой даже спрашивать ничего не стали. Думать не хотели о том, что она без отца останется. Самая пострадавшая сторона.

– Извини, Лис, но я благодарной быть за это не хочу. И не должна, – говорю с нажимом.

– Я понимаю.

Делаю глубокий вдох, и меня прорывает.

– Ты не понимаешь.

Это действительно так.

– Ни ты, ни Дэн не понимаете. Давайте мне ещё припишем истерики из-за гормонов. Ну, так ведь проще всего, правда?

А может, у меня и впрямь истерика из-за гормонов? Чёрт! И почему я снова пытаюсь их оправдать? Почему себя не берегу и представляю на месте виновной стороны?

– Настён... ты мне очень дорога. Мне плохо и я хочу всё исправить, – говорит Алиса, на что я лишь невесело ухмыляюсь.

– Исправить можно было бы только в одном случае – рассказать мне всё сразу. Вы этого не сделали. Сейчас за мой счёт пытаться себя обелить я запрещаю!

Выкрикиваю эти слова и скрываюсь за дверью парадной через несколько мгновений. В очередной раз утвердилась в том, что знала и так. Вот только бы теперь не думать о том, как

пострадала во всём этом Любаша. Не по моей вине, отнюдь. И о том, что это произошло, должны заботиться её родители и никто кроме. Неправда ли?

– Так, Настя... пока с беременностью всё хорошо. Но ты мне категорически не нравишься, – произносит врач, к которому прихожу, чтобы удостовериться в том, что положительные тесты мне не привиделись.

– Я и сама себе не нравлюсь, – вздыхаю тяжело, устраиваясь за столом и барабанила по нему пальцами.

– Случилось что? Муж уже не рад, что вы всё же забеременели?

Мысленно морщусь, но сейчас рассказывать в подробностях о ситуации не хочу. Да и не могу. К тому же, это не касается напрямую моей беременности.

– Нет, всё хорошо, – вру напропалую. – Просто перенервничала.

Надежда Борисовна смотрит на меня строго. Хочется спрятаться от этого взгляда. Обо всех мои попытках зачать ребёнка, разумеется, ей известно. И слёзы были в её кабинете, и несмелая надежда, когда она отправляла меня на новые обследования и перечисляла, что ещё стоит попробовать и что может помочь. Так что вряд ли моя нынешняя реакция ей понятна.

– Понятно. Ты же помнишь, что я тебе говорила? Если нужно, положим на сохранение, отправим на Луну, но только никаких нервов? И Денису говорила.

– Я помню.

Смотрю на скрещенные на столе руки и поджимаю губы, чтобы сдержаться и ничего не рассказать. Надежда Борисовна, кажется, понимает всё и закрывает эту тему. Протягивает мне назначения, записывает на новый приём. И когда уже собираюсь уходить, повторяет:

– Осторожнее, Настя, хорошо? Мы должны сделать всё, чтобы сохранить этого ребёнка.

Всклипываю, киваю и быстро выхожу. Я действительно беременна. Но мне придётся стараться на пределе своих возможностей, чтобы мой малыш родился.

Когда открываю дверь в квартиру, сразу понимаю – в ней Денис. Меня прошивает чувством сродни удару током. Зайдя в прихожую, стою и прислушиваюсь к происходящему сквозь ватную тишину, мгновенно появившуюся в голове. Скажем, у мужа бы хватило ума прийти за какими-то вещами, но не взяв с собой при этом делегации в виде матери своего ребёнка?

Так странно. Раньше, когда возвращалась домой и видела, как на кухне Ден с Алисой пьют чай, у меня и мысли не возникало подумать что-то не то. Сейчас же, когда вроде как всё стало ясным, и когда мне только остаётся надеяться, что теперь-то я знаю всю правду, я готова додумать даже то, чего нет.

– Привет, – говорит он, выходя из нашей комнаты. В руках держит какие-то зарядки или что-то подобное. – Как ты?

Разувшись, я не препятствую тому, когда Дэн помогает мне снять пальто. Молча прохожу в ванную, споласкиваю руки, а сама думаю, обсуждать ли с мужем свой поход к врачу.

– Я в порядке, – безбожно вру во второй раз за этот день. – У Надежды Борисовны была.

Поворачиваюсь к Денису, он смотрит на меня потемневшими глазами. А в них – страх. Неужели думает, что я после горькой правды избавлюсь от ребёнка? Или это испуг из-за того, что ситуация, в которой мы оказались, окончится плачевно?

– И что она сказала? – хрипло выдыхает Дэн, когда иду на кухню, где жадно выпиваю стакан воды.

– Что если я продолжу жить в таком стрессе, мой ребёнок не выживет.

Муж нервно сглатывает, с такой силой сжимает свои чёртовы провода, что его пальцы белеют. Белеет и лицо, с него во мгновение ока сходят все краски.

– Я сейчас уйду... думал, ты на работе до вечера, поэтому и зашёл.

– Я ушла после обеда. К врачу надо было, – повторяю то, что Денис знает и так.

– Да. Понял.

Мы стоим рядом друг с другом. Дэн так и продолжает впиваться пальцами в то, что в его руках. А у меня возникает желание расспросить его хоть о чём-то. Ведь не может быть так, что мы стали далёкими людьми за каких-то пару дней?

Это словно крохотная трещинка в скорлупе моей брони. Но родится ли после неё желание сесть и поговорить с мужем обстоятельно – я пока не знаю.

– Где сейчас живёшь? – спрашиваю тихо, снова наливая себе воды в стакан.

Жажда иссушает, а может, вовсе и не в ней дело.

– У Степана и Машки.

Киваю. От слов Дэна внутри разливается облегчение. Степан – его старый приятель, а Машка – дочь двенадцати лет.

– Как они?

– Нормально. Ничего не спрашивают, за что им благодарен.

– Понятно.

Вновь прикончив порцию воды, я возвращаюсь в ванную. Хочется принять душ, согреться, как будто это поможет вытравить тот холод, что поселился внутри.

– Насть... если тебе нужно что-то, куда-то отвезти, что-то купить... ты мне звони сразу, хорошо? Я приеду, это даже не обсуждается. Да и день рождения у тебя скоро. Мы же праздновать хотели, ну...

Угу. С Алисой и родными. Но ключевое слово как раз «хотели».

– Ты же понимаешь, что мне сейчас не до праздников? И уж тем более, я больше не хочу видеть на таких мероприятиях Алису, если ты о ней, – хмыкаю, взявшись за ручку двери и тем самым давая понять, что разговор закончен.

– Понимаю. И я не о ней, – отрезает он. – Просто хочу, чтобы ты знала – я сразу приеду, если нужен буду.

– Хорошо, – после короткого раздумья отвечаю и прежде, чем запереться в ванной, добавляю: – Спасибо.

А через пять минут входная дверь за мужем вновь закрывается. Только к чувству, что мне дали то, о чём прошу, примешивается ещё и острое сожаление, что у нас всё именно так.

Первый сюрприз в день моего рождения ожидает меня с самого утра. Я просыпаюсь рано с каким-то чувством неясной тревоги. Ловлю себя на том, что испытываю страх. Неужели у Дениса хватит ума всё же претворить в жизнь те планы, которые мы с ним строили на мой двадцать седьмой день рождения?

Он раз за разом ведь убеждал меня в том, что нам нужно отпраздновать так, чтобы запомнилось надолго. И кажется, не прогадал. Мне этот день и впрямь запомнится на многие годы.

Спустившись вниз и пропустив завтрак – за это Надежда Борисовна явно дала бы мне нагоняй – я заглядываю в письменный ящик и замираю, когда вижу то, что могу узнать без проблем. Открытка от Любы. Таких у меня уже целых две – с тех пор, как малышка научилась рисовать. Их обычно приносили на праздник. Простые «каляки-маляки» и поздравление, написанное Алисой.

Уже понимаю, что выбросить этот подарок у меня попросту рука не поднимется. Запираю ящик и, так и не ознакомившись с содержимым открытки, спешу на работу. Сегодня у меня короткий день.

«МАМА НАСТР С ДНИОМ РОШДЕНИР!». От этих слов и рисунка на глаза сами по себе наворачиваются слёзы. Здесь мы вчетвером – Дэн и я, а рядом, чуть в отдалении Алиса с Любой. И позади – дом, из трубы которого идёт дым.

Интересно, это спланированная акция, или Любаша сама потребовала поздравить меня хотя бы так? Что вообще ей сказали? Праздник отменяется, нас на нём не хотят видеть? Что в таких случаях говорят маленьким детям?

– Насть... ты чего плачешь? Вроде радоваться должна, – говорит Миша и кладёт мне на стол огромную шоколадку. – С днём рождения.

Я вскидываю на него взгляд. В глазах – туман, но когда оттираю слёзы, кажется, он исчезает.

– Спасибо, – киваю, с благодарностью забирая презент. – Да так, просто трогательное поздравление получила.

– От Любы? – улыбается Миша.

– Да, от неё.

– Как праздновать будешь?

В голосе его мне чудится надежда. Интересно, на что? Он знает о том, что я замужем, что счастлива... Он никогда не был вхож ни в мою семью, ни в круг моих друзей.

– Да как-нибудь. Пока не знаю, – пожимаю плечами, соврав по всем фронтам.

Как раз очень даже знаю. Приду домой, выпью чаю, бездумно посмотрю какое-нибудь кино и лягу спать. Странно, но мне даже не пришлось объяснять ни маме, ни свекрови со свёкром, почему я сегодня не праздную.

– Ладно. Понял. Ещё раз с днём рождения, – говорит Миша, после чего просто уходит, оставляя меня одну.

Я вполне бы могла не выходить сегодня на работу. Или вообще задержаться до конца дня, раз уж планов у меня никаких. Но вместо этого досиживаю до трёх, как и договорилась с начальством, и еду домой.

По пути возникает мысль зайти в кондитерскую и купить себе торт. Ну а что? Вполне себе приличное времяпрепровождение для беременной женщины. Уплету его за вечер, запью литром чая и попробую избавиться от тревожно-противных мыслей. Однако кондитерскую миную. Знаю одно: Мишина шоколадка – это всё, что мне нужно, чтобы подсластить пилюлю последних горьких дней.

– С Днём Рождения! Ура-а-а-а!

Не сразу осознаю, туда ли я попала, стоит только мне открыть дверь квартиры. А сразу следом – начинаю судорожно искать глазами Алису, и когда понимаю, что среди присутствующих её нет, едва ли не сползаю на пол от облегчения.

В моей прихожей мама, свёкры, брат Дэна и сам он. В руках у каждого – свои подарки. Букеты, торт, шары. Даже хлопушка, из которой на меня в итоге летит сверху-вниз разноцветный серпантин. Я же стою, настолько растерянная от того, что творится, что не могу осознать, как себя вести.

– С днём рождения, Настён! – вручает мне букет свёкор. – Мы вот тебе сюрприз решили сделать.

Он говорит это совершенно искренно, я же прекрасно отдаю себе отчёт в том, кто именно это всё организовал. Муж.

Бросаю взгляд на маму, кажется, она растеряна не меньше моего.

– Спасибо, – отвечаю тихо, машинально забирая цветы.

Вздыхаю, потому что придётся делать вид, что у меня праздничное настроение. Ведь не выгонишь родных за порог. Вон и стол накрыли, ждут, что мы посидим, отметим. Да и не в курсе они происходящего. Все, кроме Дениса и мамы.

– Можно тебя на секунду? – спрашиваю у последней, кивая на запертую дверь нашей с Дэном спальни. После чего оборачиваюсь к остальным: – А вы на кухню идите, мы сейчас придём.

На мужа стараюсь не смотреть. Достаточно того, что по его глазам, в которые посмотрела лишь мельком, ясно – он на нервах. И конечно, есть из-за чего.

– Настён, я только сейчас поняла, что ты не в курсе всего... – шепчет мама, стоит нам скрыться за дверью. – Денис позвонил, позвал на твой день рождения. Сказал, что будете отмечать. Что тебе сюрприз готовит. Не в ресторане, как хотели, а дома... А я так обрадовалась, что у вас всё наладилось...

– И у тебя и мысли не возникло мне позвонить? – хмыкаю, кладя на комод букет моих любимых крохотных роз.

– Да... А когда тебя на пороге увидела...

Она не договаривает, я же обнимаю себя руками и начинаю расхаживать по комнате. Мне не нравится, что всё так. Что Дэн делает вид, будто мы продолжаем жить прежней жизнью. Интересно, его родители в курсе того, что уже являются бабушкой и дедушкой? Может, они вообще всё знали с самого начала? Знали и приходили к нам на праздники, улыбались мне в лицо, а сами молчали?

– Как у вас с ним вообще? – спрашивает мама, присаживаясь на краешек постели.

Мотаю головой, давая понять, что говорить об этом не в силах.

– Понятно... Может, стоит выйти и сказать, что пора всем по домам?

«Может, стоило вообще не делать из праздника того, чего я совсем не желаю?», – так и хочется спросить в ответ, но я молчу. Тем более, что следом раздаётся стук, после чего дверь в комнату распаивается. На пороге Иван Владимирович, мой свёкр собственной персоной. Человек довольно своеобразный, но тот, с кем мне удалось найти общий язык сразу.

– Настюш... я понимаю, у вас секреты свои, – говорит он, входя в комнату. Обнимает меня за плечи, осторожно, но непреклонно тянет в сторону двери. – Но делу время, а потехе час!

Значит, потеха. Ну-ну... Вихров... Для всех кругом это потеха.

Я даю увести себя в сторону кухни, где меня усаживают рядом с Денисом, что сидит на привычном месте – во главе стола. И как только рядом со мной приземляется мама, бросающая на меня встревоженные взгляды, я, вместо того, чтобы сказать какую-нибудь незначущую ерунду, вроде того, что всех рада видеть, громко вопрошаю мужа:

– Дэн, а ты ничего не хочешь рассказать родителям и брату?

Вижу, как он сначала смотрит на меня так, словно я его предала, после чего стискивает челюсти. О, я знаю это его выражение лица, вот только раньше оно никогда не было направлено на меня. Дэн зол. Только что его злит – я, или ситуация, которую он сам и создал?

Но прежде, чем он отвечает, в разговор снова вступает Иван Владимирович. Он сияет улыбкой, и я на мгновение успеваю погрузиться совсем уж в сюрреалистичную картину. Когда вспышки в голове сменяют друг друга с огромной скоростью, и в каждой из них – словно кадр из кинофильма.

Они со свекровью и вправду знали о том, что у них есть внучка? И сейчас мы поднимем за это тост, а потом нас ждёт обсуждение того, как хорошо всё сложилось? И как же славно, что я оказалась такой понимающей, что не стала рушить чужие судьбы? Рушить, да. Как будто это я сейчас вооружилась молотом и намеренно стала уничтожать то, что уже было уничтожено давно враньём моих самых близких людей.

– Знаем! – восклицает свёкор. – Знаем всё, Настюш. Маленький у нас будет. Или внученька. За вас, дорогие!

Я настолько обескуражена этим заявлением, что могу только смотреть на бокал сока в моей руке и не понимать. Ничего ровным счётом.

Дэн поставил в известность родных о том, что я беременна, но не рассказал при этом, что у него есть Любаша? Их внучка, так, на секундочку. Чёрт побери, и сколько же всего я ещё узнаю о собственном муже?

– А я так Диме и говорю, – начинает сбивчиво, как всегда это делает, вещать свекровь.

В это мгновение встречаюсь взглядом с мамой. Кажется, она и впрямь готова встать и прервать веселье. Защитить меня. Сделать то, чего жду вовсе не от неё.

Снова мотаю головой, давая ей понять, что не нужно. Я справлюсь сама. А я ведь справлюсь, чувствую это нутром.

– И что вы говорите Диме? – уточняю о брате Дениса.

Он сидит, понурившись, и вяло ковыряется в тарелке салата, как это делаю и я сама.

Я знаю, что происходит обычно. Младшего брата сравнивают со старшим и почему-то всё оканчивается не в пользу первого. Хотя, я никогда не понимала, отчего такое случается. Дима ничем не заслужил подобного отношения.

– Что Дениска наш молодец! – с едва приметным вызовом отвечает свекровь. – Что на него положиться можно во всём.

Дэн опускает голову и смотрит прямо перед собой. К заказанной в ресторане селёдке под шубой даже не притронулся. Это отмечаю скорее на инстинктах, чем оттого, что данный факт имеет какое-либо значение.

– Точно во всём? – приподнимаю я бровь.

Откидываюсь на спинку стула и складываю руки на груди. Мама вновь растеряна, Дэн – так и смотрит на тарелку перед собой. А вот на лицах свёкров – непонимание. У каждого – своё.

Иван Владимирович удивлён, а Людмила Маратовна смотрит в ответ с прищуром. Словно думает: опять этой Насте что-то не так. Сидела бы, засунув себе язык в одно место, и жизни радовалась.

Это особенно бесит. Потому что Денис при этом безмолвен.

– Точно во всём, – с вызовом откликается свекровь, когда пауза, повисшая над столом, становится уж слишком ощутимой.

Я готова ответить... В ту же секунду. Но не успеваю. Дэн вскидывает голову и смотрит на родителей, после чего чеканит семь слов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.